

Евтифьева Александра

Санкт-Петербург, ГБОУ СОШ № 98, 11 класс

Пресс-центр «Поколение»

Рецензия на спектакль «Мейергольд», Мемориальный музей-квартира семьи актеров Самойловых, режиссер – Полина Алёхина

Всеволод Эмильевич Мейерхольд. В прошлом — Карл Казимир Теодор Мейергольд. Какой он — театральный режиссер и педагог, основатель «условного театра» и театральной биомеханики, последователь, и соперник своего учителя — Станиславского? Об этом — псевдобайопик режиссера Полины Алехиной, который проходил 8 июня в Музее актеров Самойловых. Байопик — в переводе с английского «biografical picture» - относительно недавно сформировавшийся жанр, представляющий собой повествование героя о своей жизни от первого лица. «Псевдо» идет приставкой к формату: Иван Капорин, сыгравший Мейерхольда, порой отстранялся от своего альтер-эго, чтобы попробовать порассуждать объективно над тем или иным пунктом биографии режиссера.

Жизнь у Всеволода Эмильевича была разнообразной. В периоды популярности продолжался творческий поиск, который зачастую подавляли. К «передовому» театру Мейерхольда многие оказались не готовы, а за новаторские идеи постановки режиссера были названы властью «эстетскими и формалистскими». Затем последовало обвинение в шпионаже, после чего Всеволод Эмильевич был расстрелян. На трагизме судьбы, на мой взгляд, и сделан акцент в псевдобайопике Полины Алехиной. Гениальность режиссера дорого обошлась ему самому, но она стала залогом нового шага в интерпретации театра.

Спектакль начинается с плохо освещенного пространства коридоров и громкого бита на входе. Они дезориентируют, оглушают зрителя и одновременно взвинчивают интригу. За поворотом открывается зал музея, хаотично освещаемый неоновыми лучами. Сцены, в ее привычном

понимании, не видно: в паре метров от зрительских стульев — ряд пустых стеклянных бутылок, за которыми уже начинается театральное действие. Все выглядит так, как будто идет генеральная репетиция — вытащены прожекторы, за которыми еле скрыта звукооператорская установка. Здесь же — минимальный реквизит, странно сочетающийся между собой: вешалка-тренога, два разбитых зеркала из фольги и стоящий по центру таз, наполненный водой.

Первая сцена выглядит трагикомически. Техно-музыка смолкает, а белым лучом выделяется середина зала. Актер (Иван Капорин), до этого меряющий шагами периметр комнаты, ложится на пол и начинает в конвульсиях опускать голову в воду, как будто хочет утопиться. Заглатывая воздух, он рвано выкрикивает о своей, а точнее Мейерхольдовской, смерти и его последней постановке - «Даме с Камелиями». Позднее он спокойно встанет и спросит: «Вы и правда подумали, что все так и начнется?».

В спектакле возводятся в абсолют два диаметрально противоположных состояния: бесповоротного отчаяния и безудержного счастья. Любой драматический накал неизменно сопровождается иронией актера над самим собой и над реакцией зрителя. Словами «Спасибо. Сцена окончена» актер не раз будет прерывать сам себя и обрывать действие. Это можно трактовать как и напоминание зрителю о «театральности» происходящего, так и отражении восприятия жизни самим Мейерхольдом. К примеру, о первой женитьбе Всеволода Иван Капорин говорит как о «новой роли». С этой позиции его жизнь — театральная постановка, в которой он берется за работу и сценариста, и режиссера, и звукооператора.

За весь спектакль герой претерпевает изменения от «Мейергольда к Мейерхольду». В начале он не свободен: его фамилия — на этикетки бутылок из-под водки, а личность — под влиянием строгого отца, который заведует этим производством. О влиянии фигуры родителя на сына зритель понимает еще когда входит в комнату: ряд стеклянных бутылок ограждает стулья от сценического пространства. Со смертью отца Всеволод

Эмильевич становится Мейерхольдом — стеклотара отправляется в коробки, а сам режиссер — в Москву, где его ждет театрально-художественное училище и класс Владимира Немировича-Данченко.

Но «Мейерхольд» еще не сформировался, ему только предстоит самореализоваться. В творческом самоопределении Мейерхольда особняком стоит Станиславский, о нем в спектакле Полины Алехиной говорят в снисходительном ключе. Станиславского «воплотил» маленький гипсовый бюстик, выезжающий на радиоуправляемой машинке. Диалог построить так и не вышло: Мейерхольд общался с ним по-детски, опускаясь на корточки. В этом, по-моему, можно увидеть отражение принципов «условного театра» Всеволода Эмильевича. Количество декораций и реквизита сведено к минимуму, благодаря этому все, что задействовано в спектакле либо обусловлено необходимостью, либо несет в себе символический посыл.

К «условному театру» можно отнести и намек на биомеханику. Так называют систему упражнений, цель которых — подготовить тело актера к мгновенной реакции на выполнение любого этюда. Иван Капорин обращается к биомеханике, повторяя определенную последовательность плавных движений, которые предсказывают наступление новой сцены. Процесс работы Мейерхольда над новой постановкой нашел свое воплощение в том, как Иван Капорин, катаясь на роликах, играл на скрипке, в перерывах продолжая говорить о своей переполненности новыми идеями. Этот душевный подъем резко оборвался отказом в постановке мейерхольдовского спектакля и его возвращением домой, в Пензу. Это нашло отражение в том, как «скрипичный» перформанс сменился сценой, над которой, по сюжету, работал Мейерхольд. Наполненная туманом комната, записанные на громкоговоритель слова: «холодно, страшно, одиноко», и Иван Капорин в противогазе показался мне вырванным из контекста позитивного творческого процесса, но именно этот контраст сделал сцены еще более яркими.

Зрители псевдобайопика выступали не только в роли наблюдателей. О существовании «четвертой стены» как будто забыли, а и так условная сцена потеряла какие-либо границы: Иван Капорин выходил на перекур в другую комнату, и, задымив за дверью, говорил на камеру, изображение с которой транслировалось на телевизор.

В конце спектакля происходит возвращение к началу. В исполнении актера звучит веселая песня об обществе, которое к идеям Мейерхольда еще не готово. И все это в контексте того, что Всеволода Эмильевича расстреляли, а его театр закрыли.

Спектакль создан творческим объединением «Прекрасные дилетанты». Их псевдобайопик отлично показывает черты современного авангардистского гольфстрима, который активно сосуществует с понятием классического театра. Эти новые формы, в том числе, заслуга Мейерхольда и последствие влияния его идей. Получается так, что он продолжает жить в театре, а молодежь все еще находит в его искусстве такие необходимые реформаторские черты.